

УДК 81'23

**РАЙХЕРТ Константин Вильгельмович,**  
кандидат философских наук,  
доцент кафедры философии и методологии познания  
Одесского национального университета  
имени И. И. Мечникова,  
e-mail: virate@mail.ru

### КРИТИКА ГИПОТЕЗЫ ЯЗЫКА МЫШЛЕНИЯ ДЖ. ФОДОРА СО СТОРОНЫ М. ДЖОНСОНА

В статье отмечается, что согласно гипотезе Дж. Фодора существует язык мышления, называемый также «ментализмом», который представляет собой метаязык, в котором формулируются психические репрезентации установок организма в отношении предложений, выраженных на объект-языке, такие, например, как вера, надежда, желание, утверждение. Эти установки называются «пропозициональными установками». В гипотезе Дж. Фодора пропозициональные установки – это мысли и отношения между организмом и предложением. Сам язык мышления, по мысли Дж. Фодора, является формальным языком. Именно на этом моменте строится критика гипотезы языка мышления Дж. Фодора со стороны М. Джонсона. М. Джонсон указывает на то, что «язык мышления» – это не что иное, как концептуальная метафора, являющаяся следствием другой концептуальной метафоры: «мышление как язык». То, что «язык мышления» является метафорой, свидетельствует о том, что язык мышления не является собственно языком в том смысле, в каком таковым является естественный язык. Указание на то, что язык мышления является формальным языком, также свидетельствует о том, что язык мышления не является собственно языком в том смысле, в каком таковым является естественный язык постольку, поскольку сам формальный язык не является собственно языком в том смысле, в котором таковым является естественный язык.

**Ключевые слова:** язык мышления, пропозициональные установки, формальный язык, эпистемическая логика, концептуальная метафора.

**Постановка проблемы.** Американский философ-когнитивист Джерри Фодор в 1975 году предложил гипотезу языка мышления (*the Language of Thought hypothesis*). Дж. Фодор преследовал две цели. Первая цель заключалась в том, чтобы «обновить» существующую народную психологию сознания, основанную на здравом смысле (в оригинале на английском языке: *the common-sense folk psychology of the mind*), чтобы она соответствовала современным на тот момент результатам когнитивных и поведенческих наук. Суть этой психологии сводится к представлению о том, что мы верим в вещи и хотим вещи, чего достаточно для объяснения человеческого поведения [1]. Вторая цель заключалась в том, чтобы предоставить натуралистическое объяснение того, как мышление на самом деле возможно и как мы можем обосновать рациональность мышления с этой позиции [1–3].

**Анализ последних исследований и публикаций.** У гипотезы языка мышления есть как сторонники (например: Стивен Пинкер [4, р. 55-82], Джозеф Ливайн [5], Стивен Лоренс и Эрик Марголис [6], Джон Ноулз [7], Джордж Рэй [8]), так и противники (например: Дэниэл Деннет [9–10], Брайан Лоар [11], Патрисия Смит Чёрчленд и Пол М. Чёрчленд [12], Дэвид Брэддон-Митчелл и Дж. Фитцпатрик [13], Дэвид Льюис [14]). К последним можно отнести и американского философа-когнитивиста Марка Джонсона.

М. Джонсон критически проанализировал гипотезу языка мышления в двух своих работах: «Значение тела: эстетика человеческого понимания» (*The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*) [15] и «Долг философии метафоре» (*Philosophy's Debt to Metaphor*) [16]. Последняя работа на деле является сокращённой версией предыдущей работы. Более того, по сути, эти две работы являются продолжениями написанной М. Джонсоном совместно с Джорджем Лакоффом книги «Философия во плоти: телесное

сознание и его вызов западной мысли» (*Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*) [17], в которой её авторы показывают, как философия связана с метафорами, и перекликаются с книгой «Откуда взялась математика: как воплощённое сознание рождает математику» (*Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*) [18]. В результате своего критического анализа М. Джонсон пришёл к выводу, что «язык мышления» есть всего лишь концептуальная (когнитивная) метафора, а не чем-то действительно существующим в нашем мозгу.

Я предполагаю, что полученный М. Джонсоном результат может представлять определённый интерес для когнитивной психологии и связанных с ней когнитивной лингвистикой, философией сознания и философии языка, а также иметь следствия, далеко выходящие за пределы перечисленных ранее дисциплин.

Поэтому в качестве **цели** моего исследования я определяю рассмотрение критики гипотезы языка мышления Джерри Фодора со стороны Марка Джонсона.

Для реализации поставленной цели необходимо решить три задачи:

- 1) кратко очертить гипотезу языка мышления, предложенную Дж. Фодором;
- 2) кратко очертить осуществлённую М. Джонсоном критику гипотезы языка мышления;
- 3) обсудить гипотезу языка мышления Дж. Фодора и её критику, осуществлённую М. Джонсоном.

**Изложение основного материала.** Гипотеза языка мышления Дж. Фодора является утверждением о том, что познание – это процесс вычисления, который производится над психическими репрезентациями. Сам язык мышления, как правило, Дж. Фодором называется «ментализом» (*mentalese*) и в очень простой форме характеризуется как «метаязык, в котором формулируются репрезентации предикатов объект-языка» [2, р. 65]. По мнению Дж. Фодора, ментализ является языком, так как его семантические составляющие – психические репрезентации с интенциональными и каузальными возможностями – комбинируются в соответствии с синтаксическими правилами. Мысли (*thoughts*) в гипотезе Дж. Фодора понимаются как пропозициональные установки (*propositional attitudes*).

Дж. Фодор сформулировал пять основных условий теории пропозициональных установок:

1. «Пропозициональные установки должны анализироваться как отношения (*relations*). В частности глагол в предложении «Джон верит, что идёт дождь» выражает отношение между Джоном и чем-то ещё, а метка (= знак, *a token*) этого предложения является истинной, только если Джон находится в отношении веры в эту вещь (*the belief-relation*). Эквивалентно, с определённой целью, «идёт дождь» является термом (*a term*) в «Джон верит, что идёт дождь»» [19, р. 502].

2. «Теория пропозициональных установок должна объяснять параллелизм между глаголами пропозициональных установок и глаголами словесных выражений (*saying*). («Условие Вендлера»)» [10, р. 504]. Это условие получило своё название благодаря представлению Дж. Фодора о том, что американский философ языка Зено Вендлер обнаружил, что между таксономиями глаголов пропозициональных установок и таксономиями глаголов словесных выражений, осуществлённых на основании синтаксиса, есть определённый изоморфизм. Это позволило Дж. Фодору полагать, что «вещи, про которые мы можем сказать, что в них *верим* (мы их *хотим*, мы *надеемся* на них, мы *сожалеем* о них и т. д.), – это те же самые вещи, про которые мы можем <что-то. – вставка моя. – К. Р.> *сказать* (*утверждать, доказывать* и т. д.)» [19, р. 504]. Это означает, например, что если Джон говорит, что идёт дождь, то так или иначе Джон либо верит в то, что говорит, либо утверждает что-то, либо ещё что-то.

3. «Теория пропозициональных установок должна принимать во внимание их неопределённость (*opacity*) («Условие Фреге»)» [19, р. 504]. Согласно условию, названному в честь Готтлоба Фреге, пропозициональные установки не являются сами по себе ни истинными, ни ложными по своей природе. Так, например, если Джон утверждает, что идёт дождь, это ещё не означает, что дождь идёт на самом деле, просто

Джон утверждает это. Видимо, здесь следует учитывать, что условие 3 не вступает в противоречие с условием 1: истинное положение дел не выводится из истинности соответствия метки отношению к вещи.

4. «Объекты пропозициональных установок обладают логической формой. («Условие Аристотеля»» [19, p. 505]. Дж. Фодор пояснил это условие так: «Наши психологические обобщения, основанные на здравом смысле (*common-sense psychological generalizations*), соотносятся с психическими состояниями (*mental states*) в силу своего содержания, и каноническая репрезентация делает то, что она может, чтобы реконструировать такие содержательные отношения как отношения формы. «Условие Аристотеля» требует, чтобы наша теория пропозициональных установок рационализировала этот процесс с помощью конструирования глаголов пропозициональных установок таким способом, который позволил бы отсылку (*reference*) к форме их объектов. Сделать это значит узаконить предположения (*presuppositions*) психологии здравого смысла (*common-sense psychology*) и, по этой причине, настоящей (то есть когнитивной) психологии в целом» [19, p. 506].

5. «Теория пропозициональных установок должна согласовываться с эмпирическими свидетельствами психических процессов» [19, p. 508], то есть теория пропозициональных установок должна рассказать, «чем (помеченные (*token*)) пропозициональные установки являются, или, хотя бы, какими фактами являются на основании того, какие приписывания (*ascriptions*) пропозициональных установок истинны» [19, p. 508]. Проще говоря, теория пропозициональных установок должна быть эмпирически правдоподобной.

Соблюдение этих пяти условий теории пропозициональных установок должно привести, по мнению Дж. Фодора, к пониманию того, что «пропозициональные установки являются отношениями между организмами и формулами во внутреннем языке, между организмами и внутренними предложениями, так сказать» [19, p. 508].

Это было изложение гипотезы языка мышления Дж. Фодора словами самого Дж. Фодора. Если попытаться кратко выразить суть гипотезы языка мышления Дж. Фодора, то её можно передать так: мысли и мышление осуществляются в психическом языке (= языке мышления), то есть в символической системе, которая физически реализуется в мозге определённого организма. В рамках гипотезы языка мышления так называемые «помеченные психические репрезентации» (в оригинале по-английски: *token mental representations*) рассматриваются как предложения (пропозициональные установки) в языке, в котором они обладают синтаксически и семантически чётко организованными составными структурами [20].

М. Джонсон: критика гипотезы языка мышления Дж. Фодора

М. Джонсон дал развёрнутую критическую интерпретацию этой гипотезы, причём, не пользуясь ключевым термином Дж. Фодора – «пропозициональные установки». По мнению М. Джонсона, в рамках гипотезы языка мышления Дж. Фодор использует метафору «язык мышления» для объяснения сознания: «Фодор хочет защитить то, что он считает научно изоцированной версией широко распространённой народной теории (*folk theory*), согласно которой обладать сознанием (*a mind*) означает обладать психическими состояниями (*mental states*) (например, верованиями, желаниями, страхами, надеждами), что подразумевает быть «готовым» (*purport to be «about»*) к аспектам нашего мира. Процесс мышления (*thinking*), как он полагает, должен состоять из цепочек внутренних психических состояний, которые каким-то образом соединяются друг с другом (то есть одна мысль ведёт к другой мысли) и которые также каким-то образом соединяются с аспектами нашего опыта (то есть вещи в мире «заставляют» («*cause*») нас иметь эти специфические психические репрезентации, которые у нас есть). Первая часть его теории состоит из утверждения о том, что эти психические состояния формируют «язык мышления» [16, p. 48], который является «исключительно вычислительным» [16, p. 48]. «Язык мышления Фодора (иногда называемый «ментализ» («*mentalese*»)) состоит из символов, которые сами по себе совершенно бессмысленны, но которым можно придать значение в способ, в который они вызываются

(*are caused*), или «помечаются» (*«tokened»*), определёнными событиями в мире. Психические репрезентации в этом языке мышления выступают точно как произвольные, бессмысленные символы в компьютерных программах. В рамках вычислительной программы операции выполняются всецело на формальных (синтаксических) свойствах символов (*on the formal (syntactic) features of the symbols*), и Фодор верит в то, что такие признаки могут «копировать» (*«mimic»*) то, что мы мыслим как семантические отношения между различными психическими репрезентациями» [16, р. 49]. «Вторая ключевая часть теории Фодора касается причинного основания внутренних репрезентаций. Его утверждение состоит в том, что эти символы являются психическими репрезентациями, потому что они вызываются аспектами мира» [16, р. 49]. «Фодор и его последователи верят в то, что гипотеза языка мышления (*the language of thought hypothesis*) выражает буквальные истины о природе сознания, а именно в то, что сознание (*the mind*) – это вычислительная функциональная программа (*a computational functional program*), что процесс мышления (*thinking*) управляется синтаксическими правилами и что бессмысленным символам ментализа придаются значения через их отношение к аспектам нашего опыта, которые вызывают (*cause*) их, чтобы быть помеченными в наших сознаниях (*to be tokened in our minds*)» [16, р. 49].

И дальше М. Джонсон осуществил критику гипотезы языка мышления Дж. Фодора с позиции своей концепции концептуальной метафоры: «Ключевым утверждением Фодора о том, что всё человеческое мышление имеет форму языка, является идеей (ложной идеей), глубоко укоренённой в наших обыденных и философских способах мышления. Так как мы так часто выражаем наши мысли (*thoughts*) в языке, мы легко поддаёмся соблазну поверить в то, что человеческое мышление (*thinking*) обладает формой языка. Другими словами, мы подразумеваем метафору «мышление как язык» (*the Thought As Language metaphor*)» [16, р. 49]. И далее М. Джонсон предложил следующую образ-схему (схема 1) для объяснения того, как возникает эта метафора:

<i>Сфера-источник</i> (лингвистические акты)	→	<i>Сфера-мишень</i> (мышление)
Лингвистическая активность (говорение / написание)	→	Мышление
Слова	→	Идеи
Предложения	→	Сложные идеи
Произношение	→	Передача (установление) последовательности мыслей
Написание	→	Запоминание

Схема 1. Метафора «мышление как язык»

В схеме 1 М. Джонсон показал, как концептуализируется «мышление» в качестве «языка»: «мышление» сравнивается с «лингвистическими актами», что влечёт за собой концептуализацию «мышления» как «лингвистической активности», «идей» – как «слов», «сложных идей» – как «предложений», «установления последовательности мыслей» – как «произношения», а «запоминания» – как «написания».

Метафора «мышление как язык» позволяет сделать переход к метафоре «язык мышления», а она в свою очередь перейти к метафоре «формальный язык»: «Метафора языка мышления Фодора обладает интуитивным смыслом для многих людей в точности потому, что большинство из нас допускает, что чистый формальный язык может быть не менее осмысленным, чем естественный язык. То есть, мы допускаем метафору формального языка (*the Formal Language metaphor*)» [16, р. 50]. М. Джонсон предложил следующую образ-схему (схема 2) концептуальной метафоры «формальный язык» [16, р. 50]:

<i>Сфера-источник</i> (естественный язык)		<i>Сфера-мишень</i> (формальный язык)
Письменные знаки	—————>	Абстрактные формальные символы
Естественный язык	—————>	Формальный язык
Предложения	—————>	Правильно построенные последовательности символов
Синтаксис	—————>	Принципы комбинирования формальных символов

Схема 2. Метафора формального языка

В схеме 2 показано, как происходит рождение концептуальной метафоры «формальный язык» на основании сходства с «естественным языком»: 1) знаки естественного языка передаются через письменные знаки, аналогами которых в формальном языке могут быть абстрактные формальные символы (формулы); 2) аналогами предложений естественного языка могут выступать правильно построенные последовательности символов (правильно построенные формулы); 3) синтаксис естественного языка уподобляется принципам комбинирования формальных символов (то есть правилам образования формул).

М. Джонсон полагал, что «Фодор правильно понимает, что подлинная вычислительная теория сознания (*a truly computational theory of mind*) требует, чтобы язык мышления был формальным языком (таким же, как компьютерный язык), и что этот формальный язык не может быть смоделирован на основании естественного языка. «Формальный» язык является искусственным языком, который, в отличие от естественных языков, состоит из полностью произвольных бессмысленных символов, каждый из которых обладает специфическими (синтаксическими) свойствами, которые играют роль в формальных операциях, заданных для этого языка» [16, р. 50]. И далее М. Джонсон подчеркнул, что «ключевой проблемой метафоры формального языка является то, что действительный формальный язык (*actual formal language*) не обладает и не может обладать теми ключевыми свойствами, которые делают естественные языки осмысленными (*meaningful*). Поэтому, если сознание является вычислительной программой (*Mind Is A Computational Program*) (то есть метафора сознания как компьютера (*the Mind As Computer metaphor*)), тогда язык мышления не будет сам по себе осмысленным ни в какой способ. Как результат, Фодор должен официально отвергнуть метафору формального языка. Но тогда он остаётся с проблемой того, как, в сущности, бессмысленный (*meaningless*) язык мышления может каким-либо образом приобретать смысл (*meaning*)» [16, р. 50]. По мнению М. Джонсона, Дж. Фодор пытается решить эту проблему таким образом: ««Помечания» (*«tokenings»*) отдельных психических символов (*mental symbols*) должны стать «репрезентациями» (*«representations»*), «вызванными» (*«caused»*) объектами и событиями, которые мы переживаем в опыте. Другими словами, «внутренние» психические символы (*«inner» mental symbols*) должны быть каузально (*causally*) связаны с вещами, находящимися вне сознания (*the mind*)» [16, р. 50], но как именно Дж. Фодор не в состоянии объяснить, хотя он и попытался это сделать в своей «Психосемантике» 1987 года [1].

Если резюмировать сказанное выше, то надлежит отметить следующее: по мнению М. Джонсона, Дж. Фодор был введён в заблуждение метафорой «мышление как язык», которая позволила ему создать другую метафору – «язык мышления», которая подобна ещё одной метафоре – «формальный язык». Для Дж. Фодора «язык мышления» вовсе не является метафорой, пусть даже когнитивной, то есть чем-то, что служит для наименования неизвестного через известное, а чем-то реально материально физически существующим; здесь произошла путаница: Дж. Фодор принял гносеологическую (эпистемологическую) сущность за онтологическую и, поэтому, совершенно серьёзно построил гипотезу языка мышления, причём понимая язык мышления как формальный язык.

## Обсуждение

Далее я хотел бы перейти к обсуждению гипотезы языка мышления Дж. Фодора и её критики, осуществлённой М. Джонсоном.

Прежде всего, я хотел бы обратить внимание читателя, что, на мой взгляд, в сущности, сам Дж. Фодор построил свой ментализ как формально-логический язык типа эпистемической модальной логики. В самом деле, Дж. Фодора интересуют модальности (состояния) организма, оперирующего неким языком мышления: вера, надежда, знание, сомнение, отрицание и т. п. Достаточно вспомнить здесь пример, который привёл сам Дж. Фодор: «Джон верит, что идёт дождь». Такого рода высказываниями интересуется эпистемическая логика в широком понимании, задачей которой является анализ сложно-подчинённых предложений с придаточными, вводимыми союзом «что» (иногда «чтобы») и глаголами главного предложения «верить», «утверждать», «сомневаться», «знать» и т. п. По мнению эпистемических логиков, «такие предложения выражают отношения между лицом (агентом) и мыслью, выраженной придаточным предложением. В логической литературе их называют пропозициональными или познавательными установками» [21, с. 1155]. Эпистемическая логика, как видно из приведённой перед этим цитаты, работает с пропозициональными установками, которые являются ключевыми для гипотезы языка мышления Дж. Фодора. Важно, что в эпистемической логике пропозициональные установки понимаются так же, как в гипотезе Дж. Фодора, – как отношения: «Пропозициональная установка (*a propositional attitude*) является отношением, устанавливаемым между лицом (*a person*) и предложением (*a proposition*) на основании того, что лицо обладает определёнными установками (*attitudes*) в отношении этого предложения. Так примерами пропозициональных установок могут служить вера, желание и знание» [22, р. 232]. Получается, что Дж. Фодор построил разновидность эпистемической логики, которая должна объяснить народную психологию сознания, основывающуюся на здравом смысле, то есть эпистемическую логику для когнитивной психологии. С эвристической позиции это открывает, возможно, плодотворную перспективу применения эпистемической логики в когнитивной психологии в частности и когнитивных науках в целом.

Между тем Дж. Фодор явно не ставил задачу адаптировать эпистемическую логику для нужд когнитивистики; его заботило объяснение функционирования мышления человека, поэтому он и ввёл понятие «язык мышления». По большому счёту, Дж. Фодор мыслил язык мышления как нечто врождённое, что-то вроде врождённых идей или врождённого знания [3, р. 139]. В принципе некоторые современные этологические, генетические, нейробиологические и когнитивные концепции (например, эволюционная теория познания физика-философа Герхарда Фоллмера, теория генно-культурной коэволюции биоматематика Чарльза Дж. Ламсдена и социобиолога Эдварда Осборна Уилсона) предлагают в качестве врождённых, наследуемых когнитивных структур рассматривать генетически контролируемые и наследуемые когнитивные программы и метапрограммы, своего рода встроенное в когнитивную систему живых существ информационное обеспечение, которое управляет их поведением, обеспечивает адаптацию и выживание [23, с. 130]. В связи с этим российский философ И. П. Меркулов указывает на то, что «есть основания предполагать наличие у представителей человеческого рода врождённого страха перед глубиной, высотой, змеями, врождённых знаний (эталона) человеческого лица (не какого-то конкретного лица), речевой способности и потребности речевого общения, а также, возможно, некоторых базисных грамматических структур («универсальная грамматика»). Частично врождёнными интеллект, музыкальные способности, отдельные структуры (например, *modus ponens*) логико-вербального мышления, элементарные математические структуры (например, групповые структуры и построение инвариантов), когнитивные механизмы выявления причинно-следственных отношений и каузальное мышление. Человек также обладает весьма широким арсеналом врождённых мыслительных стратегий, характерных для его доминирующего когнитивного типа мышления, – эвристик, алгоритмов, способов абстрагирования и выведения следствий, обучающих программ, механизмов научения языку,

диспозицій і передраположенностей, которые формуються согласно некоторым генетически установленным программам при наличии определённой информации, извлекаемой из окружающей среды» [23, с. 131]. В контексте сказанного язык мышления (ментализ) Дж. Фодора вполне можно рассматривать как генетически контролируруемую и наследуемую когнитивную программу.

Если принять такую точку зрения, то это может открыть дверь для понимания эпистемической логики не как специально сконструированного формального (формально-логического) языка (или как специально сконструированной логической системы), а как врождённой когнитивной программы. Отсюда недалеко до экстраполяции на все существующие и возможные формальные, в том числе логические, языки представления о том, что они все являются врождёнными языками мышления. Таким образом, можно будет предполагать, что на самом деле формальные языки не конструируются как специализированные искусственные языки для таких областей познания, в которых естественный язык кажется неэффективным или невозможным, а скорее являются результатом изучения и экспликации закономерностей мышления. Более того, если экспериментально подтвердится гипотеза языка мышления, то это позволит формальные языки действительно считать генетически контролируруемыми и наследуемыми когнитивными программами. Так или иначе, гипотеза языка мышления Дж. Фодора и обрисованные мной возможные следствия из этой гипотезы находятся в зависимости от экспериментальной проверяемости самой гипотезы, так как гипотеза Дж. Фодора предложена в рамках когнитивной психологии, а не философии языка, сознания или логики.

Теперь относительно предложенной М. Джонсоном критики гипотезы языка мышления. На мой взгляд, М. Джонсон не учёл, что метафора «формальный язык» является следствием концептуализации метафоры «письменный язык», которая в свою очередь является метафорой естественного языка [24]. В самом деле, исходно естественный язык дан человеку как слуховая система знаков: самым естественным способом использования этой системы является устная речь. Однако естественный язык – и это уже не совсем естественный способ – может быть представлен как зрительная система знаков, то есть в виде письменности, причём письменность – это всего лишь один из способов (одно из средств), с помощью которого отображается естественный язык. Письменность по отношению к естественному языку носит вторичный характер и, если естественный язык как слуховая система знаков формирует первичный семиозис, то письменность как естественный язык как зрительная система знаков формирует вторичный семиозис по отношению к естественному языку как слуховой системе знаков. По сути, благодаря отношениям между письменными знаками и единицами языка письменность является естественным языком в метафорическом плане (*схема 3*) [24, с. 119]:

<i>Сфера-источник</i> (естественный язык)		<i>Сфера-мишень</i> (письменность как естественный язык)
Слуховая знаковая система	—————>	Зрительная знаковая система
Единицы языка (фонема, морфема, слово, предложение и т.д. и т.п.)	—————>	Письменные знаки (идеограммы, буквы)

Схема 3. Метафора письменности как естественного языка

Отсюда следует заметить, что метафора «формальный язык» является следствием концептуализации метафоры «письменный язык», которая в свою очередь является метафорой естественного языка (*таблица 1*) [24, с. 120]:

<i>Естественный язык</i>	<i>Письменный язык</i>	<i>Формальный язык</i>
Слуховая знаковая система	Зрительная знаковая система	Зрительная знаковая система
Единицы языка (фонема, морфема, слово, предложение и т. д. и т. п.)	Письменные знаки (идеограммы, буквы)	Письменные знаки (абстрактные формальные символы)
Синтаксис (правила соотнесения единиц естественного языка)	Синтаксис (правила соотнесения письменных знаков)	Синтаксис (правила соотнесения формальных символов)
Семантика (значения единиц естественного языка)	Семантика (значения письменных знаков)	Семантика (значения формальных символов)
Прагматика (конкретное использование конкретных единиц естественного языка в форме конкретной речи / конкретного говорения)	Прагматика (конкретное использование конкретных письменных знаков в форме конкретного текста)	Прагматика (конкретное использование конкретных формальных символов в виде конкретных формул)

Таблица 1. Соотношения между естественным, письменным и формальным языками

Следствием сказанного выше может быть тот факт, что в действительности формальный язык работает не с естественным языком, а с письменным языком, а значит, с письменными текстами, которые представляют собой связи между предложениями – так называемые «межфразовые связи» и логические отношения между этими предложениями. Формальный язык работает именно с логическими отношениями между предложениями, составляющими письменный текст, что проявляется в реконструкции этих самых отношений в форме абстрактных формальных символов. Это М. Джонсон мог бы использовать в рамках своей критики гипотезы языка мышления в следующем виде: если Дж. Фодор уподобляет ментализ формальному языку, то он, в сущности, должен рассматривать язык мышления как письменность, письменный язык. Если же язык мышления является письменным языком, то он должен что-то отображать как зрительная система знаков. Если же ментализ как письменный язык что-то отображает, тогда что именно? Ещё один язык мышления? Или же естественный язык? Всего этого можно избежать, если изначально понимать, что «язык мышления» – это всего лишь метафорическое наименование для какого-то психического процесса, происходящего в мозгу, а не сам психический процесс, как считает Дж. Фодор.

**Выводы.** В качестве общих выводов можно отметить следующее. Согласно гипотезе Дж. Фодора существует язык мышления, называемый также «ментализом», который представляет собой метаязык, в котором формулируются психические репрезентации установок организма в отношении предложений, выраженных на объект-языке, такие, например, как вера, надежда, желание, утверждение. Эти установки называются «пропозициональными установками». В гипотезе Дж. Фодора пропозициональные установки – это мысли и отношения между организмом и предложением. Сам язык мышления, по мысли Дж. Фодора, является формальным языком. Именно на этом моменте строится критика гипотезы языка мышления Дж. Фодора со стороны М. Джонсона. М. Джонсон указывает на то, что «язык мышления» – это не что иное, как концептуальная метафора, являющаяся следствием другой концептуальной метафоры: «мышление как язык». То, что «язык мышления» является метафорой, свидетельствует о том, что язык мышления не является собственно языком в том смысле, в каком таковым является естественный язык. Указание на то, что язык мышления является формальным языком, также свидетельствует о том, что язык мышления не является собственно языком в том смысле, в каком таковым является естественный язык постольку, поскольку сам формальный язык не является собственно языком в том смысле, в котором таковым является естественный язык.

На мой взгляд, М. Джонсон не учитывает того, что сам «формальный язык» является концептуальной метафорой: «формальный язык» является результатом метафоризации «системы формальных знаков» по аналогии с письменным языком, а не естественным языком. В определённой степени любой формальный язык – это письменный язык, письменность. Отсюда если Дж. Фодор говорит о языке мышления как о формальном языке, то он должен тогда представлять язык мышления не как слуховую знаковую систему, а как зрительную знаковую систему, которая занимается отображением чего-то другого, возможно, другого языка. Это тем более важно в контексте понимания того, что язык мышления Дж. Фодора обладает разительным сходством с эпистемической логикой, понимаемой в широком смысле. Правда, если даже и можно уподобить язык мышления Дж. Фодора эпистемической логике, то следует помнить, что Дж. Фодор рассматривает язык мышления как врождённый, что позволяет допускать, что эпистемическая логика (возможно, и другие формальные логики) являются врождёнными, а не специально сконструированными логическими языками и системами, и что допущение может быть обосновано экспериментальным путём в когнитивной психологии.

#### Список использованной литературы

1. Fodor J. A. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in Philosophy of Mind* / Jerry A. Fodor. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1987. – 187 p. – (Explorations in Cognitive Science).
2. Fodor J. A. *The Language of Thought* / Jerry A. Fodor. – N.Y.: Thomas Y. Crowell, 1975. – 214 p. – (The Language and Thought Series).
3. Fodor J. A. *LOT 2: The Language of Thought Revisited* / Jerry A. Fodor. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 240 p.
4. Pinker S. *The Language Instinct* / Steven Pinker. – N. Y.: William Morrow and Company, 1994. – 483 p.
5. Levine J. *Demonstrating in Mentalese* / Joseph Levine // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 1988. – № 69. – P. 222–240.
6. Laurence S., Margolis E. *Regress Arguments against the Language of Thought* / Stephen Laurence, Eric Margolis // *Analysis*. – Vol. 57. – 1997. – № 1. – P. 60–66.
7. Knowles J. *The Language of Thought and Natural Language Understanding* / John Knowles // *Analysis*. – 1998. – № 4 (58). – P. 264–272.
8. Rey G. *Sensations in a Language of Thought* / George Rey // *Philosophical Issues*. – Vol. 1. *Consciousness*. – 1991. – P. 73–112.
9. Dennett D. C. *Cure for the Common Code* / Daniel C. Dennett // *Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology* / Daniel D. Dennett. – Brighton: Harvester Press, 1979. – P. 90–108.
10. Dennett D. C. *Reflections: the Language of Thought Reconsidered* / Daniel C. Dennett // *Dennett D. C. The Intentional Stance* / Daniel C. Dennett. – Cambridge; London: MIT Press, 1987. – P. 227–235.
11. Loar B. *Must Beliefs Be Sentences?* / Brian Loar // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. – Vol. 2. *Symposia and Invited Papers (1982)*. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – P. 627–643.
12. Smith Churchland P., Churchland P. M. *Stalking the Wild Epistemic Engine* / Patricia Smith Churchland, Paul M. Churchland // *Nous*. – Vol. 17. – 1983. – № 1. – P. 5–18.
13. Braddon-Mitchell D., Fitzpatrick J. *Explanation and the language of thought* / David Braddon-Mitchell, J. Fitzpatrick // *Synthese*. – 1990. – № 1 (83). – P. 3–29.
14. Lewis D. *Reduction of Mind* / David Lewis // *Companion to the Philosophy of Mind* / ed. S. Guttenplan. – Oxford: Blackwell, 1994. – P. 412–431.
15. Johnson M. *The Meaning of the Body: Aesthetic of Human Understanding* / Mark Johnson. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2007. – 326 p.
16. Johnson M. *Philosophy's Debt to Metaphor* / Mark Johnson // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. R. W. Gibbs Jr. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 39–52.
17. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / George Lakoff, Mark Johnson. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 640 p.
18. Lakoff G., Núñez R.E. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being* / George Lakoff, Rafael E. Núñez. – N. Y.: Basic Books, 2001. – 512 p.
19. Fodor J. A. *Propositional Attitudes* / Jerry A. Fodor // *The Monist*. – 1978. – № 61. – P. 501–523.
20. Fodor J. A., Pylyshyn Z. W. *Connectionalism and Cognitive Architecture: A Critical Analysis* / Jerry A. Fodor, Zenon W. Pylyshyn // *Connections and Symbols* / ed. S. Pinker, J. Mehler. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1988. – P. 3–71. – (A Cognition Special Issue).

21. Бежанишвили М. Н. Эпистемическая логика / Михаил Николаевич Бежанишвили // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. – С. 1155–1158.
22. Cook R. T. A Dictionary of Philosophical Logic / Roy T. Cook. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 322 p.
23. Меркулов И. П. Врожденное знание / Игорь Петрович Меркулов // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. – С. 130–131.
24. Райхерт К. В. Концептуальная эпистемологическая модель анализа прагматики логики / Константин Вильгельмович Райхерт // Філософія та політологія в контексті сучасної культури. – 2015. – №1. – С. 117–125.

#### References

1. Fodor, J. A. (1987). *Psychosemantics: The Problem of Meaning in Philosophy of Mind*. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology.
2. Fodor, J. A. (1975). *The Language of Thought*. – N. Y.: Thomas Y. Crowell.
3. Fodor, J. A. (2010). *LOT 2: The Language of Thought Revisited*. – Oxford: Oxford University Press.
4. Pinker, S. (1994). *The Language Instinct*. – N. Y.: William Morrow and Company.
5. Levine, J. (1988). Demonstrating in Mentalese. *Pacific Philosophical Quarterly*, 69, 222-240.
6. Laurence, S., Margolis, E. (1997). Regress Arguments against the Language of Thought. *Analysis*, Vol. 57, 1, 60-66.
7. Knowles, J. (1998). The Language of Thought and Natural Language Understanding. *Analysis*, 4 (58), 264-272.
8. Rey, G. (1991). Sensations in a Language of Thought. *Philosophical Issues*, 1. *Consciousness*, 73-112.
9. Dennett, D. C. (1979). Cure for the Common Code. *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*, 90-108.
10. Dennett, D. C. (1987). Reflections: the Language of Thought Reconsidered. *The Intentional Stance*, 227-235.
11. Loar, B. (1982). Must Beliefs Be Sentences? *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, Vol. 2. *Symposia and Invited Papers*, 627-643.
12. Smith, Churchland P., Churchland, P. M. (1983). Stalking the Wild Epistemic Engine. *Nous*, Vol. 17, 1, 5-18.
13. Braddon-Mitchell, D., Fitzpatrick, J. (1990). Explanation and the Language of Thought. *Synthese*, 1 (83), 3-29.
14. Lewis, D. (1994). Reduction of Mind. *Companion to the Philosophy of Mind*, 412-431. – Oxford: Blackwell
15. Johnson, M. (2007). *The Meaning of the Body: Aesthetic of Human Understanding*. – Chicago; London: University of Chicago Press.
16. Johnson, M. (2008). Philosophy's Debt to Metaphor. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, 39-52.
17. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. – N. Y.: Basic Books.
18. Lakoff G. & Núñez R. E. (2001). *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*. N. Y.: Basic Books.
19. Fodor, J. A. (1978). Propositional Attitudes. *The Monist*, 61, 501-523.
20. Fodor, J. A., Pylyshyn, Z. W. (1988). Connectionalism and Cognitive Architecture: A Critical Analysis. *Connections and Symbols*, 3-71. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology
21. Bezhanišvili, M. N. (2009). Epistemic Logic. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*, 1155-1158. – Moscow: Canon+ Rehabilitation (in Russ.)
22. Cook, R. T. (2009). *A Dictionary of Philosophical Logic*. – Edinburgh: Edinburgh University Press.
23. Merkulov, I. P. (2009). Innate Knowledge. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*, 130-131. – Moscow: Canon+ Rehabilitation (in Russ.)
24. Rayhert, K. W. (2015). The Conceptual Epistemological Model of Analysis of Pragmatics of Logic. *Filosofia ta politologia v konteksti suchasnoi kul'tury (Philosophy and Political Science in the Context of Modern Culture)*, 1, 117-125 (in Russ.)

#### RAYHERT Konstantin Wilhelmovich,

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor  
of the Department of Philosophy and Methodology of Cognition  
Odessa I. I. Mechnikov National University,  
e-mail: virate@mail.ru

#### THE M. JOHNSON'S CRITICISM OF THE J. FODOR'S LANGUAGE OF THOUGHT HYPOTHESIS

**Abstract. Purpose.** The study is to consider the Mark Johnson's criticism of the Jerry Fodor's Language of Thought hypothesis. **Results.** According to the J. Fodor's hypothesis there is the language of thought also called "Mentalese" that is the meta-language in which mental representations of attitudes of organism to propositions expressed in object-language (for example: belief, hope, desire, statement) are formulated. These attitudes are called "propositional attitudes". In the hypothesis propositional attitudes are thoughts and relations between organism and proposition. The language of thought is a formal

language. The M. Johnson's criticism of the language of thought hypothesis is based on the J. Fodor's statement about the language of thought as a formal language. M. Johnson points out that "the language of thought" is a conceptual metaphor that is the result of other conceptual metaphor "the thought as language". Metaphor "the language of thought" is declarative of the unreality of the language of thought as a language in contrast to the natural language. **Originality.** M. Johnson doesn't take into consideration that "the formal language" is a conceptual metaphor: "the formal language" is the result of metaphorization of "the system of formal signs" on the analogy of the written language but not the natural language. To a certain extent any formal language is a written language. Thus, if J. Fodor says about the language of thought as the formal language then he should depicture the language of thought not as an acoustic sign system but as a visual sign system that represents something different, perhaps, different language. This is especially important when you understand that the J. Fodor's language of thought has striking likeness with such formal language as epistemic logic.

**Key words:** language of thought, propositional attitudes, formal language, epistemic logic, conceptual metaphor.

**Анотація. Райхерт К. В. Критика гіпотези мови мислення Дж. Фодора з боку М. Джонсона.** Згідно гіпотези Дж. Фодора, є мова мислення, відома також як «менталізм», котра є метамовою, в якій формулюються психічні репрезентації установок організму щодо речень, які виражені об'єкт-мовою, такі, наприклад, як віра, надія, бажання, твердження. Ці установки називаються «пропозиційними установками». У гіпотезі Дж. Фодора пропозиційні установки – це думки та відношення між організмом і реченням. Сама мова мислення є формальною мовою. Саме на цьому моменті будується критика гіпотези мови мислення Дж. Фодора з боку М. Джонсона. М. Джонсон вказує на те, що «мови мислення» – це ніщо інше, як концептуальна метафора, яка є наслідком іншої концептуальної метафори: «мислення як мова». Те, що «мова мислення» є метафорою, свідчить про те, що мова мислення не є власне мовою у тому сенсі, в якому такою є природна мова. Вказівка на те, що мова мислення є формальною мовою, також свідчить про те, що мова мислення не є власне мовою у тому сенсі, в якому такою є природна мова, тому що сама формальна мова не є власне мовою у тому же сенсі, в якому такою є природна мова. М. Джонсон не бере до уваги той факт, що «формальна мова» насправді є не метафорою природної мови, а метафорою «писемності», «письмової мови». Цей факт дозволяє подивитися на мову мислення не як на слухову систему знаків, якою насправді є природна мова, а як на зорову систему знаків, якою насправді є письмова мова, та питання про те, що тоді насправді відображає мова мислення Дж. Фодора.

**Ключові слова:** мова мислення, пропозиційні установки, формальна мова, епістемічна логіка, концептуальна метафора.

Одержано редакцією 01.06.2016  
Прийнято до публікації 30.06.2016